

Проходят несколько часов сценического действия. Сдвигается занавес. Окончен спектакль. Ты выходишь из театра. Идешь в вечернем спокойствии города. Быть может, это один из самых лучших минут. Ибо ты во власти больших чувств, глубоких переживаний. Ты не можешь расстаться с людьми, которые стали для тебя близкими, родными. Ты потрясен. Да, это трагично! Да, это жестоко! Это никогда не должно повториться! Проплывает весь спектакль до мелочей, до жеста актера, до последней фразы. И вдруг ты отчетливо постигаешь вновь — как эта суровая правда, эта беспощадная трагичность нерасторжимы с прекрасным, мужественным, гуманным. Как и образ тихих зорь, образ нашей русской земли, нашей Родины, мирной ее жизни нерасторжим с трагической гибелью пятерых ее дочерей. Ведь эта Родина воспитала их красивыми, добрыми, щедрыми сердцем. И ради нее они погибли в неравном бою, не отдав и пяди захватчику. Погибли, защищая тихие зори.

...Когда мы впервые услышали этот рассказ, исполненный святости патристического подвига, суровой военной правды, рассказ о том, как во глубине России старшина Васков и пять девушек сражались с шестидесятью до зубов вооруженными фашистами, мы воспринимали его героев, как подлинных. Нам кажется: да, было это сражение за построенный до войны канал, к которому рвались фашисты. Так реалист для нас подвиг Незнаестного солдата, реальна память о нем, высеченная вечным огнем бессмертного поклонения.

Со страниц журнала «Юность» повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» шагнула на сцену. И когда мы видим этот спектакль в репертуаре Алтайского краевого театра драмы, это, бесспорно, радует. Радует потому, что за этим ощущается не слепое подражание столичным премьерам (в, подчас, такое бытует в периферийных театрах), не жажда оказаться «с веком наравне». За этим стоит поиск театрального коллектанта, его гражданская устремленность, его современность. Да, современность! Без осмысления прошлого нельзя понять настоящее, предвосхитить будущее. Тем более, если это прошлое — Великая Отечественная война. Не случайно тема Отечественной войны вновь с особой силой зазвучала в нашем искусстве. Внутренний мир человека, истоки нравственного подвига, духовная связь поколений — вот что главное, что определило современную военную литературу, стало «крупным планом» в кино, «сверхзадачей» в театре. Поколение, представлявшее войну по рассказам старших, обращаясь к искусству, должно получить ответ, как это было, где истоки этой необоримости народной.

«А зори здесь тихие...» как раз то произведение, в котором сказано много важного о величии духа советского человека. Сказано, в первую очередь, для тех, кому сегодня восемнадцать, двадцать, кто ровесник этим пяти на безымянной высоте. Даже в самый трагический момент, когда их осталось только двое — старшина и боец Рита Осанина, умирающая от раны, эти двое говорят о завтрашнем, мерят этим

завтрашним выпавшие на их долю испытания.

— Здесь у меня болит. Здесь свербит, Рита. Так свербит!.. Положил ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев?

— Ну, зачем так... Все же понятно, войну...

— Пока война понятна. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему вам умирать приходилось... Что ответить, когда спросят: что же это вы, мужики, мам наших от пуль защитить не могли!..

Передается это произведение на сцену, театр обязан не допустить, чтоб потускнели «Зори»... Обладая сохранит мудрость повести, ее суровую красоту, ее оптимистический пафос. Это как мимолетное. Но у театра есть свои богатства. И на сцене это произведение может обрести еще большую яркость, глубину художественного, эстетического открытия.

Оценивая в целом спектакль краевого театра драмы «А зори здесь тихие...» (постановка З. Китап), хочется отметить, что, несмотря на недостатки отдельных актерских работ, спектакль получился далеко не орди-

ют весьма примитивную трактовку личности. Именно так поначалу воспринимает он свое начальство в подразделении девчат. Ох, как долго не может найти общего языка Федот Егорович — «пенек замшелый» — со своими новыми бойцами, восторженными, дерзкими, образованными. («Классов семь, а то и все девять, по разговору видно», — размышляет старшина, сравнивая с теми четырьмя, которые он успел закончить, пока его отца медведь не заломал).

Л. Полохов, раскрывая своего героя в этой «мирной» части повествования, нигде не злоупотребляет ни наивностью, ни, подчас, комичностью ситуаций, в которые попадает его старшина. Напротив, органичная естественность исполнителя подчеркивает трудный жизненный путь его героя, его былой опыт участника «финской», наконец, его возраст и его невысокое, но командирское звание.

Но вот в эту мирную, почти идиллическую обстановку врывается гроза. Пе-

нительницы ощутимо недостает сценического опыта. И видно это с самой первой массовой. Материал пьесы уже здесь дает возможность центральным персонажам — горстке девчат — выделиться, остаться в памяти зрителя. Но некоторые из них, например, Лиза Бричкина (З. Олькина), Галя Четвертак (Г. Баканова) поначалу сливаются с общей массой.

По пьесе наиболее значителен из девушек, пожалуй, образ Риты Осаниной. Она вдова пограничника, уже имеющая свой личный счет к фашистам. Это делает Риту старше среди своих ровесниц. Но в исполнении Н. Русаковой девушка недостает глубины своеобразия. Не прорывается у нее, сквозь внешнюю суровость обаяние прежней, довоенной Риты — веселой, улыбочкой, удачливой. А именно так написан этот драматургический образ.

На первый план в спектакле выходит Женя Камелькова в исполнении Т. Баштановой. Быть может, потому, что актриса с завидным темпераментом провела сцену, когда ее героиня под прицелом автоматов затравивших фашистов изображает беспечную купальщицу. Однако в других сценах ей недостает подтекста, актриса слишком напрямую играет бесшабашность и бездумное отношение к жизни.

Из двух исполнительниц роли Лизы Бричкиной, бесспорно, интереснее Л. Марина. Больше веришь в ее органичную жизнерадостность, цельность гармонического человека, обладающего отличным физическим и духовным здоровьем.

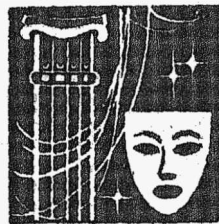
Небольшой, но очень богатый сценический материал дан и мечтательной, постоянно бормочущей блоквасские строки, милой интеллектуалке Соне Гурвич и маленькой фантазерке Гале Четвертак, никак не умеющей соединить мир грез с миром действительности. Но если работа опытной артистки Кириченко и на сей раз остается в памяти, то Г. Баканова, к сожалению, создает расплывчатый, неопределенный персонаж.

Эпизодична в пьесе роль заслуженной артистки РСФСР Т. Г. Ворониной. К тому же, роль на первый взгляд, бытовая. Воронина играет квартирную хозяйку Васкова. Несомненно, эта роль не этапная для Ворониной. Но опыт актрисы, ее умение создавать резко очерченные драматические характеры позволили ей за несколько минут пребывания на сцене немало сказать о своей героине — и о ее трудной судьбе, и о ее неподдельной любви к своему постояльцу, и о равенности к целому взводу девчат, и о многом другом.

...Медленно по театральному кругу проплывают пять юных зеленых березок. И все понятно! Есть финал. Лаконосный. Трогательный. Есть оптимистический конец трагедии.

По высокому накалу его можно сравнить с известной песней Расула Гамзатова «Журавли».

Б. ЮДАЛЕВИЧ.

...А ПРЕВРАТИЛИСЬ В БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

нарным. Неподдельное волнение, исходящее на сцене, заражает артиста, вызывает самое активное сопереживание. Немалая заслуга режиссера видится в том, что он добивается от участников спектакля аналитичности в игре, которая столь необходима, когда проходит жизнь людей, связанных узками военного братства, когда видна их борьба, где на каждом шагу они оберегают друг друга ценой своей жизни. Когда вся эта борьба пронизана святой верой, что за ними стоит весь народ, вся Россия. Поэтому, что они твердо знают — на этом поле боя разведки они сражаются и умирают за Родину.

«Родина ведь не в капалах пишется. Совсем не отсюда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канал».

Стремление расширить рамки действия, придать повествованию масштабность, дыхание большой, героической темы естественно ощущается в режиссерском замысле.

Белые березы. Просторы, дали, открывающиеся за ними (оформление А. Бердыченко). Патристический хорал в шепеляющей напевности народной лирической песни. Типичная лесная безмятежность и пронизывающий резкостью чудотворный звук, условно обозначающий приближение врага, захватывает. Все это удачно найденные, выразительные детали. Все это создает эффект спектакля, в котором чувствуется простота, правдивость, усиливающие необыкновенные, величественные.

Сочетание простоты с очень высоким, вдохновенным ощущается и в лучших актерских работах. И прежде всего в этом плане хочется выделить игру заслуженного артиста РСФСР Л. Полохова, исполнителя образа старшины Васкова. Это очень сложный образ, хотя внешние черты «сверхсрочника», команданта тылового населенного пункта предполага-

ред лицом врага, в смертельной схватке с ним возникает новый старшина Васков. Л. Полохов сумел передать, как вырастает русский человек в критический час, как практическая сметка оборачивается воинской находчивостью, дальноразоркостью, физической закалкой, самостоятельностью трудового человека — стремлением взять самое трудное и ответственное на себя.

Единственное, а чем серьезно можно упрекнуть артиста — в будничности финального эпизода. В коротком заключительном монологе ему явно не хватает накала чувств.

Другой же исполнитель этой роли, В. Борисенко, как раз в конце спектакля гораздо убедительнее. В нескольких фразах артист сконцентрировал боль и горечь утраты, скупые слезы мужчины, ненависть к захватчикам и убийцам.

Однако рисунок роли у В. Борисенко вызывает некоторые возражения. Подчас он нарочито небрежен, несколько легковесен, так что несомненно ставится под сомнение суровая биография его героя.

Своеобразие инсценировки еще и в том, что большинство ролей в ней — женские. Получается как бы сдвиг женского состава труппы, его экзамин. И обнаруживается примечательное явление. Ставка на двух-трех героинь, занятых из спектакля в спектакль, на этой постановке оказалась отрицательно. Части испол-